

БАЛКАНСКО ЕВИКОЗНАНИЕ
LINGUISTIQUE BALKANIQUE

LVI, 1

Académie bulgare des sciences
Institut de langue bulgare "Prof. Lyubomir Andreychin"

Sofia • 2017

„Балканско езикознание“ е международно академично списание, орган на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ при БАН, което излиза 2 пъти годишно.

Обхват на списанието: „Балканско езикознание“ публикува оригинални изследвания по теоретични проблеми на балканското езикознание, на взаимоотношенията между балканските езици – нови и древни, както и на връзките с други индоевропейски и неиндоевропейски езици. На страниците на списанието се рецензират значими трудове в областта на балканистиката и европеистиката.

РЕДАКЦИОННА КОЛЕГИЯ

Анна Чолева-Димитрова (гл. редактор)
Марияна Цибранска-Костова (зам.-гл. редактор)
Членове: Васил Анастасов, Ана Кочева

РЕДАКЦИОНЕН СЪВЕТ

Боряна Велчева (София), Манфред Трумер (Грац), Васил Райнов (София), Мариус Сала (Букурещ), Борис Парашкевов (София), Хелмут Шалер (Берлин), Мари Врина-Николов (Париж), Светлана Янакиева (София), Корина Лешбер (Берлин)

Реферирани: BRILL Linguistic Bibliography, ERIH Plus, MLA International Bibliography – Pro-Quest, EBSCO.

Адрес за кореспонденция: Институт за български език при БАН
бул. „Шипчески проход“ № 52, бл. 17, София 1113
ел. поща: l_balkanique@abv.bg

Linguistique Balkanique est une revue académique internationale et l'organe officiel de l'Institut de Langue bulgare « Prof. Lyubomir Andreychin » auprès de l'Académie des sciences de Bulgarie qui paraît deux fois par an.

La portée de la revue: La revue «Linguistique balkanique» publie des recherches sur les problèmes théorétiques de la linguistique balkanique, sur les relations mutuelles des langues balkaniques modernes et anciennes, ainsi que sur les rapports avec d'autres langues indoeuropéennes et non indoeuropéennes. Sur les pages de la revue on évalue des travaux considérables dans le domaine des études balkaniques et européennes.

COMITÉ DE RÉDACTION

Anna Choleva-Dimitrova (rédacteur en chef)
Mariyana Tsibranska-Kostova (rédacteur adjoint)
Membres: Vassil Anastassov, Ana Kocheva

COMITÉ CONSULTATIF

Borjana Velcheva (Sofia), Manfred Trummer (Graz), Vasil Rainov (Sofia), Marius Sala (Bucarest), Boris Parashkevov (Sofia), Helmut Schaller (Berlin), Marie Vrinat-Nikolov (Paris), Svetlana Yanakieva (Sofia), Corinna Leschber (Berlin)

Annotation: BRILL Linguistic Bibliography, ERIH Plus, MLA International Bibliography – Pro-Quest, EBSCO.

Toute la correspondance est à adresser à la
Revue LINGUISTIQUE BALKANIQUE:
Institut de langue bulgare, Académie des sciences de Bulgarie
№ 52, «Shipchenski prohod» blv., bl.17
Sofia 1113, BULGARIE
e-mail: l_balkanique@abv.bg

БАЛКАНСКО ЕЗИКОЗНАНИЕ LINGUISTIQUE BALKANIQUE

LVI (2017), 1

À L'OCCASION DU 75ÈME ANNIVERSAIRE DE L'INSTITUT DE
LANGUE BULGARE

TABLE DES MATIÈRES

1. Angel G. Angelov. Pluricentric Slavic Languages.	3
2. Marek Stachowski. Das balkanische Schwa, der gagausische Vokalismus und die Frage des bulgarischen Einflusses.	11
3. Елена С. Узенёва. "Русский" остров на диалектной карте Болгарии.	19
4. Sorin Paliga. A New, and More Decisive, Descent into the Realm of *OR-, *UR-...35	
5. Corinna Leschber. Alban. <i>berr</i> aus der Perspektive des neolithischen landwirtschaftlichen Substrats.	47
6. Albena Mircheva. The Reflexes of the Indo-European Laryngeals in Thracian. ...55	
7. Марина Домосилецкая. Сосна горная (стланиковая, европейская) 'Pinus mugo (montana)' в балканском лингвистическом контексте.	61
8. Bilyana Mihaylova. Thoughts on the Etymology of Pslav. * <i>straxъ</i>	71
9. Виктор П. Шульгач. О некоторых праславянских адъективах с приставкой * <i>pri-</i>	79
10. Татьяна Илиева. Субстантивное употребление имен прилагательных и других слов с адъективным значением в средневековом болгарском языке. Субстантивно употребляемые прилагательные – названия места (<i>nomina loci</i>).	89

COMTES RENDUS

Лучия Антонова. Андрей Н. Соболев, Александр А. Новик (ред.) (2013): Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008-2010 гг. Materialien zum Südosteuropasprachatlas. Band 6. ...107	
Martin Henzelmann. Helmut Schaller, Sigrun Comati und Raiko Krauß (Hrsg., 2015): Bulgarien – Jahrbuch 2013.	111

Елена С. УЗЕНЕВА (Москва)

«РУССКИЙ» ОСТРОВ НА ДИАЛЕКТНОЙ КАРТЕ БОЛГАРИИ
“RUSSIAN” ISLAND ON THE DIALECT MAP OF BULGARIA

Abstract: The article is devoted to the study of the language and traditional culture of the Old Believers living in Bulgaria in the village of Tataritsa, in the South Dobruja. The features of the dialect, the influence of the Bulgarian language on it, as well as ritual vocabulary and terminology are analyzed, archaic features that are preserved in the dialect and rituals are revealed. Russian Old Believers in Bulgaria living in foreign cultural and linguistic surrounding (though closely related, Bulgarian) managed to preserve both their traditional folk culture and their South Russian sub-dialect which however was influenced by Bulgarian and obtained some features typical for the Balkan linguistic union. Nowadays Bulgarian influence over the culture and sub-dialect of Old Believers touches upon many layers. Rise in number of mixed marriages and study in Bulgarian leads to narrowing of the sphere where this sub-dialect is used, moreover it is pushed out to the periphery of communicational process which leads to its further disappearance.

Keywords: Dialectology, Ethnolinguistics, Old Believers, Russian language, Bulgarian language, Balkan linguistic union, traditional culture

Несмотря на компактность староверческих поселений Болгарии, научный интерес к ним возник довольно рано. Еще в конце XIX в. появляются первые исторические очерки о судьбе некрасовцев в Болгарии¹, а в 50-е гг. XX в. профессор Софийского университета Ц. Романска провела несколько экспедиций и опубликовала свои труды об этнографии и фольклоре русских староверов (Романска 1959, 1960/1, 1960/2). Е. Анастасова, изучая некрасовцев в переломный период 1990-х гг., посвятила свой монографический труд исследованию религиозных воззрений старообрядцев (Анастасова 1998). В 2000-х годах старообрядцев в Болгарии изучали главным образом этнографы, исследовавшие отдельные фрагменты их традиционной культуры: семейную, календарную обрядность, мифологию, идентичность (Петрова, Колева 2006, 2007; Съботинова 2009; Еролова 2010).

Говором русских старообрядцев Болгарии ученые занимались значительно меньше. Диалектолог М. Леонидова посетила с. Казашко в 1970-х гг. и издала статью о говоре (Леонидова 1973), но ее записи не нашли широкого отклика и в настоящее время оказались почти забыты. Известный польский славист и исследователь старообрядчества И. Грек-Пабисова уделяла особое внимание тенденциям в развитии русских говоров Болгарии (Grek-Pabisowa 1972), а также религиозной и культовой терминологии и ее функции в говоре (Grek-Pabisowa 1994). Клаус Штайнке проводил полевые исследования говора болгарских староверов в 1980-е гг. Его наблюдения нашли обобщение в ряде статей, в частности (Штайнке 1992), и монографии (Steinke 1990). В 2006 г. была осуществлена совместная экспедиция Л.Л. Касаткина, И.И. Исаева и К. Штайнке в Казашко и Татарицу, результаты которой опубликованы: К. Штайнке интересовала социолингвистическая ситуация в с. Казашко двадцать лет спустя (Штайнке 2008), тогда как Л.Л. Касаткин проанализировал особенности говора с. Татарица (Касаткин 2008).

Старообрядцы в Болгарии в настоящее время живут лишь в двух населенных пунктах – с. Казашко, в области Варны на берегах Варненского озера, и с. Татарица в области Силистры, в трех километрах от Дуная, на его правом берегу. Населяют их казаки-некрасовцы, согласно местным преданиям потомки донских казаков, участвовавших в восстании Кондрата Булавина и после его поражения под предводительством Игната Некрасова бежавшие на Кубань, в северную Добруджу и Малую Азию. Село Казашко было основано в 1905 г. на северном берегу Варненского озера в 7 км от Варны семьей Матвея Русова, переселившейся в Турцию из румынского села Сарикей. Позднее здесь поселились и другие староверы из Румынии (из Тульчи, Журиловки, Каркалиу), а также переселенцы из Малой Азии, из с. Мада и с. о. Майнос в Турции. В 1908 г. село признано населенным пунктом по указу царя Фердинанда и получило имя *Казашка махала*. Основным занятием селян стало рыболовство, они не занимались земледелием и почти не разводили скот. Хотя часть жителей являются представителями беспоповского направления старообрядчества (они называют себя *хатники*, так как церковные обряды совершали в доме), а роль священника и старосты выполнял дьяк, в селе с 1935 г. существует церковь Покрова пресв. Богородицы². Отличает жителей этого села и народная женская одежда – «новозыбковский» сарафан и белая блузка, тогда как в с. Татарица доминирующий женский костюм состоит из юбки и блузы, сшитой из той же ткани («белокриницкий» вариант). Поскольку жители с. Татарица являются представителями поповского направления, белокриницкого согласия, их чаще называют *липованами*, а не *некрасовцами*, хотя сами они настаивают на употреблении последнего термина. Население Татарицы занималось не только рыбной ловлей, но и садоводством, огородничеством, виноградарством и разводило скот. В данной статье мы остановимся именно на Татарице³, поскольку селу Казашко мы уделили больше внимания в предыдущих работах (Узенева 2013; Узенева 2015).

Согласно историческим свидетельствам, старообрядческие поселения в северо-восточной Болгарии были многочисленными, но не сохранились до наших дней. Староверы заселяли Южную Добруджу с начала XVIII в. Известно, что уже в 1811 г. часть некрасовцев из северной Добруджи переселяется в Малую Азию, а часть (из с. Сарикёй) – в Татарицу (Кельсиев 1875; Бехметьев 1908). В источниках того времени указано несколько общин некрасовцев, находившихся в подчинении силистренского сиракиса до русско-турецкой войны 1828–1829 гг.: Татарица, Кючук-Диол (Кючук-Гёл), хутор Силистренский (Пригарин 2004: 30). Отметим также, что на протяжении всего последующего времени (после освобождения в 1878 г. эта территория осталась в Болгарии, а с 1919 г. по 1940 г. Южная Добруджа входила в состав Румынии), вплоть до 1940 г.⁴, когда она вернулась в границы государства Болгарии, Татарица входила в состав одного государства с другими липованскими селами (Османской империи, Болгарии, Румынии).

Село Татарица, расположенное ныне в 7 км на запад от Силистры, по народным преданиям, сохранившим отзвуки исторических событий, имеет давнюю историю, которая насчитывает не менее 300 лет. Согласно народной памяти, предки местных казаков бежали из Румынии, из Северной Добруджи⁵, уклоняясь от службы в армии, и поселились в Болгарии в пределах Османской империи в с. Гарван у Дуная, вблизи нынешнего села, где тогда жили татары, которые вынуждены были покинуть свои дома из-за частых набегов казаков: *От татар осталось только имя Татарица – татарское село*⁶. Турецкие власти лояльно относились к староверам, дали им земли, разрешили построить церковь, иметь вооруженных казаков и обучать их военному искусству, выбирать на кругу атамана и священника⁷.

В 2006 г. в с. Татарица, не имеющем административной автономии и представляющем собой квартал села Айдемир, (самостоятельным село было до 1955 г.), проживало менее 700 человек, как русские (чуть более 100 человек)⁸, так и болгары, большинство браков, как и в Казашко, смешанные. Молодежь предпочитала уезжать в большие города и за границу в поисках работы. Церковная община здесь более открыта, чем в Казашко, на службе разрешено присутствовать всем православным, приходят и болгары, так как церковь относится к Славской епархии Русской православной старообрядческой церкви в Румынии. В 2006 г. священником был отец Василий, из семьи староверов, магушка – болгарка. Сейчас священником служит отец Флор. 14 октября 2015 г. на храмовый праздник Покрова в с. Татарице был установлен памятный крест⁹.

Русские староверы в Болгарии сохранили важные этнообразующие признаки, такие как язык (говор), религия и традиционная культура. Их самосознание обладает сложной, многопластовой структурой, характеризующейся различными уровнями: общезнаковым (*русские*), субэтническим (*липоване* или *некрасовцы*), конфессиональным (*старообрядцы-поповцы*). Ученые нередко применяют по отношению к ним термин *этноконфессиональная группа*, под которым понимается «субэтническая

группа, существование которой обусловлено сепарацией на основе религиозной дифференциации» (Пригарин 2000: 80).

В Болгарии используется целый ряд этнонимов (как в научной литературе, так и в повседневной жизни) для обозначения староверов Татарицы: прежде всего это названия общерелигиозного характера (*христиане, православные христиане*), затем обозначения, связанные с конфессиональной спецификой (*старообрядцы, староверы*), и характерные для данной группы (*липоване, некрасовцы*), причем последние отражают их этническую и субэтническую идентичность (*русские, казаки*) (Анастасова 1998: 48).

Сами себя «татаричники» определяют как казаки-некрасовцы (*мы – казаки от Дона*), говоря, что в Румынии их звали *липованами*. Однако язык свой называют *липованским*¹⁰, хотя *фонетика у него более кубанская*¹¹. Другая часть позиционирует себя как *липоване*. Е. Анастасова считает, что использование эндонима (самоназвания) *липоване* старообрядцами Татарицы означает «принадлежность к добруджанской общности старообрядцев и принадлежность к поповскому (белокриницкому) согласию» (Анастасова 1998: 49).

Множество версий возникновения этнонима *липоване*¹², широко известного как в Северной, так и в Южной Добрудже, относится к сфере народной этимологии. Одно из распространенных народных верований о появлении названия «липоване» связано с рекой Липовкой, которая якобы текла в тех местах, откуда казаки отправились в Добруджу (Еролова 2010: 204)¹³. Жители Татарицы считали, что они *липованцы потому, что молились на очищенное дерево, на липу как благословенное дерево, на котором писали иконы, када в бегах потеряли иконы*.

Окружающее староверов болгарское население называет их *казаки, липовани, староверци*. В свою очередь, сами старообрядцы православных болгар пренебрежительно называют *обливанцы*, что связано с существенным для староверов различием в обряде крещения: окроплением водой у болгар и полным погружением в купель с водой у старообрядцев. Конфессиональные различия для старообрядцев не менее, а скорее более важные, чем этнические.

Закрытость общины приводила к необходимости поиска подходящих (с этнической и конфессиональной точки зрения) невест за пределами общности. Наиболее тесные связи сформировались с селом Гиндзрешть (Новенькое) в Румынии. Поэтому в селе много снох из старообрядческих сел Румынии, где традиция сохранилась лучше. Во многом именно благодаря их усилиям в Татарице жители стали чаще посещать церковь, носить старинную одежду, что даже стало социально престижным явлением. Невестки из Румынии часто являются мультилингвами, поскольку они воспитывались в русскоговорящих семьях, где наряду с местным говором их обучали церковнославянскому языку, и получали образование в румынской школе, а теперь живут и работают в Болгарии, осваивая государственный язык страны. Родственникам они пишут письма на родном диалекте, используя при этом латиницу¹⁴.

Язык, на котором говорят русские староверы в южной Добрудже, ученые определяют как южнорусский диалект или южнорусский говор смешанного типа, сохранивший особенности русского языка конца XVII – начала XVIII вв. Этот говор близок говору старообрядцев Буковины, Молдовы и других областей Румынии (Кирилэ 2006: 66–73; Романска 1959: 503; Steinke 1990).

По мнению диалектологов-русистов, в языке староверов Болгарии «прослеживаются черты Юго-Западной диалектной зоны, которые характерны и для донских говоров, а также отмечается влияние турецкого, румынского и украинского языков» (Касаткин 2008а: 585). Известный исследователь старообрядческих говоров Л.Л. Касаткин проанализировал особенности говора с. Татарица на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях (Касаткин 2008б). Мы же укажем лишь специфику социолингвистической ситуации в селе и наиболее яркие, на наш взгляд, диалектные черты староверов Татарицы.

Смешанные браки стали одним из факторов «болгарской языковой экспансии», что коренным образом изменило облик села: оно утратило свой моноэтничный характер, болгарский язык постепенно становился доминирующим, а русский диалект использовался относительно регулярно только немногочисленными старожилами в домашней среде и в церкви. В последние годы церковь стали посещать реже, закрылась местная школа. Большая часть жителей села уже училась в болгарской школе, работает среди болгар. Население стало поголовно двуязычным¹⁵.

В с. Татарица молодежь стеснялась использовать свой родной диалект в повседневном общении со сверстниками, предпочитая болгарский. Объясняли это тем, что знающие русский болгары их не понимают. Среднее поколение еще владело говором, но использовало его крайне редко, только для общения внутри семьи и с родственниками (*по-русски дома говорим*), при условии, что они тоже староверы. Дети, хотя и понимали местный диалект, уже не употребляли его, общаясь со старшими на болгарском литературном языке. Однако и раньше говор имел низкий статус в сознании его носителей, так как в школе он конкурировал с русским литературным языком, считавшимся эталоном. Очевидно, что эти факторы не способствовали утверждению местного идиома, а укрепляли позиции русского языка, который раньше был обязательным иностранным языком в болгарских школах. Сейчас его вытесняет английский язык, доминирующий в качестве языка международного общения.

Расширению функций и сферы употребления болгарского языка способствовали как экономические перемены (экономический кризис, изменение местного рынка труда, что привело к массовой миграции работоспособного населения в города и за границу в поисках работы), так и политические (развитие демократии в постсоциалистической Болгарии, активная социализация ранее замкнутого сообщества старообрядцев), а также глобализационные (вхождение Болгарии в Евросоюз с 2007 г.), развитие мобильной связи, интернета, кабельного телевидения и пр.

Однако, жители Татарицы все же сохраняют еще свой язык. Особенности собственного говора воспринимаются старообрядцами прежде всего как различия в сфере лексики, словарного состава (ср. выражение: *по-липовански – Помилуй Бог*). Заимствования из других языков ясно осознаются ими, даже классифицируются: *У булуар первое молоко – куластра, ведро – казан, жалезо – ламарина, дары – чеиз, брынза – из румынского*¹⁶ и пр. А некоторые слова, отсутствовавшие, вероятно, в языке липован до прибытия в Болгарию, воспринимаются уже как вошедшие в лексический фонд, например *мауарка* ‘осел’. Так же, как и в Казашко, в речи староверов встречаются кальки с болгарского: *Я видала файду* ‘имела выгоду’, *крывно прыуаеть* ‘давление скачет’, *мы – казаци от Дона* ‘мы – казаки с Дона’; *када спатила эту работу* (болг. *когато (из)патих тая работа* ‘букв. когда пострадала от этого’). Заимствования подчиняются грамматическим законам русского языка: *катастрофирался* (болг. *катастрофирам* ‘попасть в аварию’); *после им забранили, тем бабкам* (болг. *забранявам* ‘запрещать’); *15-16 женицин с Рамынии полюбились* (болг. *залиюбя се* ‘полюбить друг друга’); *побабуть его трошечки, какой крикливый* (заговор над ним прочитают, [над тем младенцем], который очень кричит; болг. *побабя* ‘прочитать молитву, заговор, совершить магические/знахарские действия’); *Пётр Вяликий накарал, шоб брились* (болг. *накарам* ‘заставить’).

Среди основных особенностей говора с. Татарица можно выделить следующие:

- аканье (*варожка, радители*), которые в настоящее время в речи информантов не является последовательным;
- диссимилятивное яканье у самых пожилых носителей говора (*сястры/систра, нясу/нисла, Сялистра*);
- фрикативное *г* (*булуары, уаворю*) и чередующееся с ним *х* в конце слова (*четвер`х, Бох*);
- произношение на месте фонемы /w/ звука *ў* в определенных позициях (*ўсю, на лаўку, ў хати, ўнучка*);
- окончание *-ть* в 3 л. ед и мн.ч. глаголов (*уаворить, ходють, читають, паделывають*); *режутъ баранёнка, пякутъ*;
- форма Им. п. ед.ч. лексемы *свекруха*;
- наличие постфикса *-сь* после гласных: *хто-сь, што-сь, куды-сь*;
- наличие препозитивной частицы *-кое* при образовании неопределенных местоимений: *кой-хто ходить у цэркву*;
- характерные лексические диалектизмы: *браво, бравенький, тутотка, тамотка*;
- украинская лексика: *хлопец, трошки, дуже, нима, майдан*.

Укажем и те из особенностей говора с. Татарица, которые, по нашему мнению, возникли в результате болгарского влияния:

- появление невозвратных глаголов на месте возвратных литературного языка и наоборот: *он мне понравил; мы любились*¹⁷;

– появление форм звательного падежа на -о: *бабо, тётко*;
 – утрата склонения у имен: *от шес часов до восим; ежели есть над сто человек*;

– использование аналитических форм для сравнительной и превосходной степеней прилагательных и наречий:

Я най-большой у деда Саввы, унук най-старший я.

Чтоб по-хуже не стало.

– балканские лексические заимствования: *брынза* ‘мягкий сыр’, *плечинда* ‘слоенный пирог’, *магарка* ‘осёл’, *казан* ‘ведро, котёл’;

– болгарские лексические заимствования (в сфере народной медицины, в частности): *шарка* ‘оспа’, *магарина кашлица* ‘коклюш’; названия праздников (*Бабинден* ‘праздник чествования повитухи’, *Никулден* ‘день св. Николая’); а также междометия и частицы, используемые для усиления эмоционального фона высказывания): *нали, дали, бре, обаче, тък, ами, ма, хайде*;

– болгарские союзы, в особенности двойные: *ниито...ниито; хем...хем*;

Хем меня женил, хем не пустил в Россию.

– появление артикля: местоимение *один* выступает в роли неопределенного артикля: *он жил как один монах*¹⁸; в роли определенного артикля выступают формы местоимения *той* (тот) и *той* (этот): *у туйу хату; она, бабка, станет, бабка тая*;

– вместо оборотов с глаголом *быть* употребляются обороты с *иметь* (синтаксическая калька с болгарского): *он же имел себе подруу*;

– появление конструкции с глаголом *пойти/отправиться* в сочетании с наречием *там* (вместо *туда*) отражает явление балканского аналитизма в передаче семантики движения/покоя одним и тем же наречием или местоимением¹⁹: *Бабки приходили тамотка*;

– возможным балканским влиянием считаем постпозиционное расположение (в некоторых случаях) притяжательного местоимения, хотя и в полной его форме: *сястрица моя*.

Отметим также, что нередко в диалектных текстах в качестве способов и средств выражения оценки используются заимствования из болгарского языка.

К наиболее типичным оценочным средствам диалектного текста также относятся, например:

- Болгарские жаргонизмы, имеющие оценочное значение:

У нее сын теперь от голямото добро утро (крутой).

Болгарский поп гроб шелковым полотном с боку покрыв, земле не придал, деньги в карман поклат и пошел. А что я буду делать? И тут мафия, и тут мафия.

- Болгаризмы, используемые для выражения особого смысла или особой ситуации. Как нам кажется, привлечение заимствованной из болгарского языка лексики связано с такими случаями, когда говорящему кажется, что болгарская лексема более яркая, более ёмкая и более точно отражает высказываемое отношение.

Она не *жалилась*, она ее *тормозила*, ругала ее там.

Иногда используются не просто болгарские слова, а отдельные формы, например, особая форма образования степени сравнения у болг. наречий:

*Я мужа когда хоронила, **най-красивый** костюм ему положила, вратовръзку, галстук.*

*От гробишта когда идуть, вызывают **най-близких**, не всех.*

Или наоборот, в диалектном тексте на болгарском языке происходит возвращение к родной речи при обозначении типичных понятий, атрибутов староверческого быта:

*Всяка къща си има баня, **курная, старая баня.***

*Незакрътая на нощ вода – някой нещо ти е хвърлил там. Магия някаква. **Подделала.***

Язык старообрядцев Татарицы, являясь важнейшим этнокультурным фактором, имеет разные функции в зависимости от ситуации функционирования: при использовании диалектного варианта (говора) в семье и церкви он консолидирует общность и поддерживает ее конфессиональную идентичность, а употребление русского литературного языка становится маркером этнической принадлежности.

Как отмечалось выше, русские старообрядцы Болгарии, проживая в условиях инокультурного и иноязычного окружения, сумели сохранить не только свой говор, религиозные особенности, но и традиционную народную культуру. Эта культура представляет собой многопластовый феномен, характеризующийся в том числе и многими архаическими чертами. Под архаическими чертами культуры мы, вслед за А.А. Плотниковой, понимаем «во-первых, принесенные с первичной территории проживания переселенцев, т.е. черты консервации особенностей традиции анклава, языковой и культурной, во-вторых, черты, общие для ряда славянских представлений, обрядов, поверий, по сути – языческие» (Плотникова 2016: 35). И хотя сохранившиеся древние воззрения на природу и окружающий мир должны были противоречить строгим религиозным канонам староверов, однако вполне вероятно, что именно закрытость общины предопределила сохранение всего «своего» культурного своеобразия в противовес соседскому, «чужому».

Мы попытаемся кратко рассмотреть под этнолингвистическим углом зрения особенности отдельных фрагментов как самой традиции староверов с. Татарица, так и обсуживающей ее обрядовой лексики.

Одним из наиболее устойчивых моментов в народном календаре староверов Болгарии был праздник чествования повитухи – *Бабьи кашки*, отмечаемый на третий день после Рождества. Сведения о приготовлении ритуального блюда в виде каши нам не удалось записать. Для обряда готовили вино и еду, которую приносили повитухе вместе с дарами (мылом и рушниками), предназначенными для *бабки*. После угощения акушерку сажали в сани и возили по селу. Этот день считался женским праздником, только рожавшие женщины вместе с сельской акушеркой веселились, пили и бесчинствовали.

Если они встречали на пути мужчину, то могли его раздеть – снять шапку, штаны, обувь, которые он затем должен был выкупить. Во многом данный ритуал перекликается с широко известным болгарским праздником *Бабинден*.

В свадебном обряде староверов отмечаются как признаки болгарского влияния, так и архаические черты. Остановимся подробнее на наиболее ярких из них. Это, например, свидетельства купли-продажи невесты в прошлом: обряд *околишина*, где жених давал выкуп неженатым парням за отнятую у них девушку, обряд *выкуплянье молодой* во время девишника, где дружка торгуется с подругами невесты за молодую, наличие выкупа («кладки») за невесту, которую приносит жених на *запой*, соответствующий мотив в свадебной песне *Подружка-татарка, продала подружку за винную чару* или *А братец татарин, а братец татарин, сестру протатарил, сестру протатарил* (ср. *Сестрица татарка – продавать сестру за стакан вина* – с. Журиловка в Румынии²⁰). Древние представления о браке как обмене сохранились в обрядах обмена дарами между двумя сторонами, ритуалах одаривания гостей невестой и пр.

В обрядах, связанных с определением «честности» молодой, также выявляются старинные элементы в свадьбе. Сводили молодых днем в чужом доме, например у деверя. Через несколько часов за ними приходили сваты, которые мыли их в отдельных комнатах и выводили к гостям. Сват со стороны жениха и сваха со стороны невесты следили за тем, что происходило в чертоге, чтобы молодая оказалась *честной*. В селе считали, что *смотреть на честь* (следы крови на рубашке молодой) – большой грех, семь лет не получишь причастия. В Татарнице после этого ритуала готовили сладкую водку, красили ее вишней. Замужние женщины украшали головы или грудь гроздьями калины, танцевали и пели песню «Калинушка расцвела». Невеста одаривала всех присутствующих в доме красными лентами и букетиками цветов, а родственников – платками. Затем свадебная процессия направлялась в дом к матери новобрачной, которая угощала молодых жареной курицей, а гостям преподносила куски курицы и вино. Угощение продолжалось в доме молодого. Отметим, что красные ленты – символы «честности» невесты – присущи южнорусской, украинской и полесской свадьбе. В частности, красной лентой украшали бутылку с водкой в Черниговской и Гомельской губ., красное вино делали после первой брачной ночи на Украине (Гура 2012: 861). В Болгарии также широко распространено приготовление красной, сладкой и горячей водки (*блага ракия, сладка ракия*) после определения девственности невесты.

К числу архаических ритуалов относится и ряжение на свадьбе. Как правило, рядились на второй день свадьбы. Именно в этот день в Татарнице проходили главные гулянья, на которые молодые сами ходили приглашать родных с чайником вина. Играла гармонь, тогда только говорили, что *починается свадьба*. Молодожены обходили село, в каждом доме им обещали дары, которые затем приносили или приводили (если это корова или осел) к молодым. В дом жениха приглашались сваты и устраивались сцены с ряжеными. Обязательно приглашали веселого человека: *Свадбари*²¹ *шоб были*,

веселили свадьбу. В болгарской свадьбе среди шуточных персонажей известны *петелар* или *смешник*.

Заемствованным элементом в свадьбе староверов можно считать наличие мишуры (серебряных нитей) в головном уборе невесты и украшение обрядового хлеба фольгой в случае девственности невесты. Их появление обусловлено влиянием болгарской культуры. В разных регионах Болгарии после брачной ночи позолотой покрывали яблоки, посылаемые родителям невесты, сосуд с горячей ракией, букетики из самшита *варакосани китки*, правую туфлю невесты, рога обрядового барашка и древко знамени, а также петуха, которого кум дарил жениху перед первой брачной ночью и который находился комнате молодых до утра. Матери молодой отправляли лепешку, покрытую сусальным золотом (Узенева 2010: 79-80).

Факт связи символики птицы и невесты известен разным славянским традициям. «Птичья» символика широко представлена в свадебном фольклоре славян. В Татариице во время *дьяштинки* совершался ритуал *вылетаания галушки*, когда подруги водили по селу празднично одетую невесту, выкрикивая хором: *Вылетает галушка!* – и пели особые песни. А.А. Плотникова зафиксировала данный ритуал только в одном старообрядческом селе румынской Добруджи – Гиндэрешть²². Именно с этим селом в Татариице установились наиболее тесные семейные связи.

В болгарской свадьбе курица нередко выступала в роли символического дублера невесты. Курицу (петуха), являвшуюся атрибутом одного из персонажей свадьбы (*заложник, петелджия*), выкупали как невесту, обряжали в бусы и ожерелья из кукурузы, серьги, уподобляя невесте. Если молодая оказывалась девственной, из ее дома крали кур, отрывали им головы, а одну из птиц наряжали и приносили в дом жениха, причем эта курица для посторонних являлась символическим знаком, свидетельствующим о том, что в доме есть молодуха (с. Кономлади, обл. Петрича – Узенева 2010: 69-70).

Как известно, фольклор является наиболее консервативной сферой культуры. Фольклорные тексты нередко фиксируют старинные элементы русского языка и архаических восточнославянских народных представлений. Так, свадебная песенная традиция казаков-некрасовцев хутора Новонекрасовского Приморско-Ахтарского района Краснодарского края, переселившихся из Турции (с Майноса) в 1921 г., демонстрирует явные параллели и общие мотивы с текстами песен с. Татариица в Добрудже, исполняемых во время выкупа невесты дружкой у ее брата по приезду процессии жениха в дом ее родителей, что свидетельствует об общности данной традиции. Дружка брал золотую монету и золотую серьгу, клал их в «повозку из денег», а брат принимал стакан с вином и выпивал его, при этом присутствующие пели:

Братес татарин систру протатарил

*За воку шарану, за люльку табаку*²³.

(Тумилевич 2012: 67).

Исследователи свадебного фольклора старообрядцев Болгарии единодушны в своем мнении о его принадлежности к южнорусскому типу, поскольку в нем преобладают песни, а не плачи, как в северно-русском варианте (Романска 1959: 557), а точнее донскому типу, характеризующемуся близостью к украинской свадьбе (Критска-Иванова 1989: 216).

Погребальный обряд староверов выявляет ряд заимствованных черт. Ранее после похорон кладбище больше не посещали, считалось, что могилки должны сравняться с землей и быть незаметными, чтобы над костями старообрядцев в будущем не глумились. Теперь, под влиянием болгарской традиции, ставят памятники, сажают цветы на могилах, соблюдают траур (*жалеют* на болгарский манер), даже вывешивают некрологи на улицах, отличающиеся от болгарских лишь наличием восьмиконечного старообрядческого креста.

Культурно-языковая интерференция может проявляться на разных уровнях: 1) собственно языковом, в обрядовой терминологии (ср. *плечинда* – сладкий слоеный пирог на Рождество); 2) в отдельных фрагментах обряда, его трансформации (например, Юрьев день, *Ягорий*, известный здесь также под болгарским именем *Гергьовден*, считается «чубанским праздником», т.е. праздником пастухов, но вслед за болгарской традицией староверы «режут баранок, курбан делают», т.е. совершают жертвоприношение, столь характерное для ритуалов этого дня у болгар; 3) в появлении новых обрядов, неизвестных староверам ранее. Например, в Татарице отмечают день св. Трифона (14.02), которого болгары почитают как покровителя виноградарей. Этот праздник закрепился в культуре липован в связи с развитием виноградарства в их среде по прибытии на эти земли.

Рассмотренные фрагменты традиционной культуры и обрядовой терминологии свидетельствуют о хорошей сохранности традиции, о наличии целого ряда архаических черт и явлений, а также множества параллелей со староверами Румынии и заимствований из культуры болгар.

Русские старообрядцы Болгарии, проживая в условиях инокультурного и иноязычного (хотя и близкородственного, болгарского) окружения, сумели сохранить и народную культуру, и свой южнорусский говор, который, однако, подвергся влиянию болгарского языка и приобрел некоторые черты, характерные для языков Балканского языкового союза. В настоящее время влияние болгарской традиции на культуру и говор старообрядцев затрагивает многие уровни. Увеличение числа смешанных браков и обучение на болгарском языке способствует сужению сферы употребления говора, вытесняя его на периферию коммуникативного процесса и способствуя его постепенному исчезновению.

Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности староверов Центральной и Юго-Восточной Европы».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробную библиографию об истории изучения староверов Болгарии см. в книге Е. Анастасовой (Анастасова 1998). Новые данные об истории некрасовцев Болгарии см. в работах А. Пригарина, в частности (Пригарин 2010).

² В селе проживают и последователи поповского направления (*белокриничники*) из Татарицы. Сохраняются связи с митрополией в Румынии (Брэила) и Древлеправославной церковью в Москве (новозыбковские беглопоповцы).

³ Экспедиция в село состоялась в 2006 г. Сбор материала производился по этнолингвистической программе, предполагающей изучение разных тематических сфер традиционной культуры славян: календарных праздников, семейной и сельскохозяйственной обрядности, народной мифологии и пр. (Плотникова 2009).

⁴ В 1946–1947 г. треть жителей Татарицы выехала в СССР: в с. Рыбачье Херсонской области, с. Софиевка Ивано-Франковской области, г. Килия Одесской области. Через пару лет переселенцы из Ивано-Франковской области организованно переехали на постоянное жительство в г. Бендеры.

⁵ Однако при беседах с информантами в их речи появлялись не только румынские топонимы, но и Измаил, Черниговщина и др.

⁶ Для удобства читателя аканье здесь и далее не отражается.

⁷ Согласно историческим свидетельствам, в 1850-е гг. в Татарице располагалась одна из станиц Добруджанского казачьего войска под руководством М. Чайковского (Садык-Паши) (Пригарин 2004: 31).

⁸ В 1946 г., когда одна треть населения уехала обратно в Россию, в селе насчитывалось более 400 семей. В 2015 г. в селе проживало около 200 человек.

⁹ <http://bnr.bg/shumen/post/100613002/nov-krast-za-godishninata-na-edinstvenata-staroohradna-ruska-carkva-v-selo-tatarica> Дата обращения: 06.06.2016 г.

¹⁰ Ср. подобные взгляды на обозначение собственного языка, отмеченные А.А. Плотниковой у старообрядцев румынской Добруджи (Плотникова 2016: 20, 36).

¹¹ Данное суждение может служить вторичным свидетельством об этногенезе и самой группы, и ее говора.

¹² Обзор и анализ научных дискуссий по поводу возникновения саноназвания *липоване* см. в книге А.А. Пригарина (Пригарин 2010: 367–394). В частности, *липоване* как одно из названий старообрядцев региона Подунавья в ранних исторических документах соотносилось с выходцами из Молдавии, Валахии, Бессарабии, поскольку именно с этими местами связаны первые свидетельства бытования их имени (1724 г.). Позднее оно вошло в юридическую практику наименования, а из официального обихода термин перешел в практику самих старообрядцев, откуда перекочевал в оборот российского делопроизводства, маркируя данную группу старообрядцев (там же, с. 380–381).

¹³ В последние годы среди ученых стало популярным еще один взгляд на генезис термина, связывающий его с топонимом *Липовень*. Этноним возник при заселении русских староверов в первой половине XVIII в. в землях монастыря Драгомирна, где они основали село Соколница (нынешнее Липовени в области Сучава в Румынии), рядом с которым располагался липовый лес. Впоследствии название поселения

закрепилось и за его жителями, а экзоним *липовани* приобрел широкую популярность среди староверов, живущих в Добрудже (Кирилэ 2006: 52–58).

¹⁴ Подробнее об этом явлении см. в статье И.А. Седаковой (Седакова 2008: 206, 216–217).

¹⁵ См. статью К. Штайнке, где он проводит сравнительный анализ ситуации в селе за прошедшие 20 лет (Штайнке 2008), а также работу И.А. Седаковой (Седакова 2008).

¹⁶ Отметим, что идиолект каждого информанта уникален, подчас он является свидетельством постепенной утраты диалектных черт говора. В частности, более молодые информанты хотят выглядеть «грамотными» и стараются использовать русский литературный язык в разговоре.

¹⁷ Возможно, эти выражения возникли под влиянием болгарского языка как калька с него, срв. *той ми харесва* ‘он мне нравится’; *ние се обичахме* ‘мы любили друг друга’.

¹⁸ Данное явление характерно для болгарского языка.

¹⁹ См. также (Седакова 2008: 210).

²⁰ Архивные материалы А.А. Плотниковой.

²¹ Термин *свадбари* заимствован из болгарского языка.

²² Автор отмечает, что данный предсвадебный ритуал в Гиндэрешть – «след глубокой архаики», о чем свидетельствуют и данные 6-го тома «Словаря русских народных говоров», связывающие его с донской традицией (Плотникова 2016: 56).

²³ Вока – мера вина, шарапа – вино.

ЛИТЕРАТУРА

А н а с т а с о в а, Е. 1998. Старообрядците в България. Мит – история – идентичност. София.

Б е х м е т ь е в, П. 1908. Към историята на старите руски поселения в сегашна България. – Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. Год. XIX. Т. LXVIII. 1907. София, 294–300.

Г у р а, А.В. 2012. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. Москва.

Е р о л о в а, Й. 2010. Добруджа. Граници и идентичности. София, 189–254 (русите старообрядци).

К а с а т к и н, Л.Л. 2008а. Русский говор села Татарница в Болгарии. В: Русские старообрядцы. Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. Москва, 116–139.

– 2008б. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. В: Русские старообрядцы. Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. Москва, 573–608.

К е л ь с и е в, В.И. 1875. Очерк старообрядцев в Добрудже. В: Славянский сборник. 1875. Т. 1, 605–620.

К и р и л э, Ф. 2006. Сказания о культуре и традициях русских-липован. Бухарест.

К р и т с к а – И в а н о в а, Е.Ф. 1989. Типология и эволюция русского свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарика и Казашко). В: Русские: семейный и общественный быт. Москва, 198-221.

Л е о н и д о в а, М. 1973. Один восточнославянский диалект в южнославянском окружении. К проблеме лексической интерференции. – Славистични изследвания. III. София, 224-230.

П е т р о в а, Л., К о л е в а Св., 2006. Животът на старообрядците-казаки в село Казашко, Варненско. В: Делници и празници в живота на българина. Сборник, посветен на 30-годишнината на Етнографски музей – Варна. Варна, 450-461.

– 2007. Митологичните представи и вярвания на некрасовците от село Казашко, Варненско. – Известия на народния музей Варна. XLI (LVI), 2005. Варна, 123-133.

П л о т н и к о в а, А.А. 2009. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996; 2-е изд. – Москва.

2016. Славянские островные ареалы; архаика и инновации. Москва,

П р и г а р и н, А.А. 2000. К вопросу о содержании термина «этноконфессиональная группа» (на материале русских старообрядцев Балкан). In: Ethnoses and Cultures on the Balkans. International Conference. Bulgaria, Trojan, 23–26.08.2000. Sofia, 80-93.

– 2004. Русские старообрядцы в Болгарии: новые материалы по истории потомков некрасовцев и липован Добруджы. – Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 10. Москва, 29-35.

– 2010. Русские старообрядцы на Дунае. Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса-Измаил-Москва.

Р о м а н с к а, Цв. 1959. Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско. – Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. Т. 53. № 2. София.

– 1960а. Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско и на русите-некрасовци, които го населяват. В: Сб. В памет на акад. Стоян Романски. Езиковедско-етнографски изследвания. София, 563-589.

– 1960б. Риболовът на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско. – Годишник на Софийския университет. ФФ. LIII. 2. София, 353-446.

С е д а к о в а, И.А. 2008. Русская речь в балканском окружении. В: Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Г.П. Клепиковой. Москва, 202-222.

С ъ б о т и н о в а, Д. 2015. Колелото на живота. Семейни обичаи на българи, арменци, руси старообрядци, турци и цигани/рома. (Второ препработено и допълнено издание). Варна.

Т у м и л е в и ч, Ф.В. 2012. Свадебный обряд казаков-некрасовцев. В: Казаки-некрасовцы: язык, история. Культура. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 36–72.

У з е н е в а, Е.С. 2010. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. Москва.

– 2013. Заметки о языке старообрядцев Болгарии. В: Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею С.М. Толстой. Москва, 113–124.

– 2015. Культурно-языковая интерференция в традиции староверов Болгарии. В: Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные

связи: материалы VI Международной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 7–8 августа 2015 г.). Улан-Удэ, 254-263.

Ш т а й н к е, К. 2008. Говоры староверов в Болгарии двадцать лет спустя. В: Русские старообрядцы. Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. Москва, 108-115.

G r e k - P a b i s o w a, I. 1972. O tendencjach rozwoju gwary starowizcow w Bulgarii. – Studia z filologii lowianskiej. T. XLI. 221-312.

– 1983. J o t o v, C. Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich otoczeniu obcojęzycznym. – Z polski studiow sławistycznych. Warczawa, 109-120.

– 1994. Религиозная и культовая терминология и ее функции в говоре старообрядцев в Польше и в Болгарии. In: Skupiska staroobrzędowcyw w Europie, Azji I Ameryce: ich mejsce I tradycjewe w spytecznym swiecie. Warczawa, 301-312.

S t e i n k c, K. 1990. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. Heidelberg.

Доц. д-р Елена УЗЕНЕВА

Институт славянознания РАН

e-mail: lenuzen@mail.ru